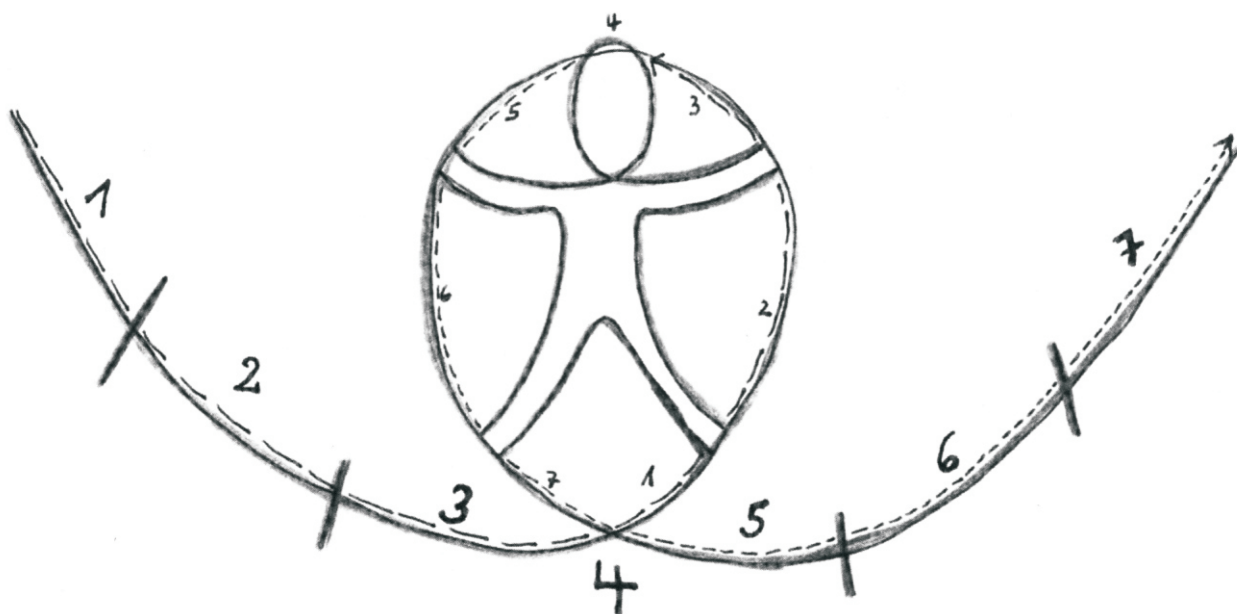

РАЙНЕР ШНУРРЕ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РАБОТА НАД БИОГРАФИЕЙ

Творческий подход к чтению собственной биографии

Практическое руководство к самообучению

Тетрадь I

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современный человек все хочет делать **сам**, желает сам во всем разобраться, везде доверять только собственному опыту. Куда меньше готов он делать то, что ему велят. Идет могучий процесс эмансипации человека от любого внешнего авторитета, от любой внешней власти. Конечно, встречаются и резко противоположные тенденции. Во всяком временно'м развитии что-то бывает "слишком рано", кто-то торопится, забегает вперед, бывает и "слишком поздно", когда долго и инертно держатся за старое. – Плавное, равномерное движение эволюции в периоды неопределенности и смуты может казаться слишком медленным, а в более спокойные времена, наоборот, слишком быстрым. Но и в отдельно взятой человеческой жизни сменяют друг друга тенденции к покою и моменты перелома.

Может ли современный человек найти для своей жизни некий **срединный** путь, позволяющий ему внутренне спокойно развиваться - и тогда, и даже именно тогда, когда внешние или внутренние бури и нестроения особенно сильны? – *Одной* из современных возможностей является **работа над биографией**, особенно если эта работа приобретает художественный характер. И хотя добросовестная внутренняя проработка собственной биографии кажется отнюдь не легкой задачей, можно с полной надеждой все дальше и интенсивнее идти по этому пути.

Кто ощущает, что положение в жизни позволяет ему в принципе заняться работой над биографией путем самообучения, обретет исходную точку опоры именно в художественном подходе к самому себе.

Трудиться над собственной биографией – это привилегия, которую я могу себе позволить или не позволить.

– Во всяком случае стремление современного человека ко всяческой эмансипации, к свободе не должно "застрывать" перед собственной биографией.

Есть ли у меня вообще что-то ближе моей собственной жизни? И что мне делать с нею? Что мне делать с опытом моей жизни?

– В этой связи встают некоторые вопросы. :

Могу ли я как-либо освободиться, эмансипироваться от моего привычного взгляда на свою жизнь?

– Реально ли путем некоего освобождающего самообучения я обрести более широкий, даже **творческий** взгляд на мою собственную жизнь, на то, как она "складывается"?

– Может быть вообще возможно обзреть события моей жизни неким более реалистическим взглядом, следствием чего стала бы переоценка моих прошлых оценок, - ну, в смысле упомянутой эмансипации, как внутреннее освобождение. Вдруг я тогда стану ре-волюционером, э-волюционером и в то же время свергаемым диктатором? – Не случилось ли со мною так, что я сам себе навязал весь этот бессознательный диктат уже застывших оценок, суждений и приговоров даже и в отношении собственной жизни; может быть я теперь их просто не замечаю, не желаю признавать? – Может, я смогу увидеть себя не только проживающим свою жизнь, но – строящим ее более творческим образом? – А может даже и так, что в будущем, при более глубоком понимании взаимоотношений и связей я увижу некоторые «вынужденные вещи» в моей жизни как собственное мое желание, как мою волю? Но ведь именно тогда я смог бы придать всей моей жизни по-настоящему творческий характер! – Жизнь человеческая, моя жизнь предстанет как целое, как откровенная тайна.

Если бы Вы сами нашли подтверждение этому в Вашей собственной жизни, в ней зажегся бы новый Свет. – Кто сможет **экзистенциально пережить** свою жизнь как то, чем она на самом деле является, тот может прийти к открытию. - Биография человека, то есть все то, что человек переживает на своем жизненном пути, является **духовным Посвящением жизнью** (это значимо и для атеиста). И мы способны к такому открытию в работе над биографией, мы можем учиться **читать** это Посвящение. Ведь если жизнь человека и впрямь окажется духовным Посвящением, то многое должно тогда предстать в совершенно ином, новом свете, окажется **освященным, освященным**. Но современный человек зачастую просто не любит свою жизнь. С помощью же «художественной работы над биографией» Вы сможете более глубоким постижением собственной жизни вновь зажечь в себе любовь к ней...

Замок Хамборн, февраль 2008

К биографии автора

(чтобы лучше понять, как возникла «художественная работа над биографией»).

Когда моя мать в 1945 году еще носила меня в своем чреве, Берлин нещадно бомбили. – В Хенгларне, неподалеку от Падерборна, жили наши дальние родственники, впрочем, мама была с ними незнакома. В день нашего отъезда в Падерборн этот городок тоже разбомбили. Тогда с присущим ей сухим юмором она сказала: «Ну, во всяком случае я пригодилась этим людям. Ведь я знала, что делать, если тебя бомбят. А они еще не привыкли к бомбардировкам».

Я родился в октябре. Примерно четыре месяца спустя мама завернула меня в кроличий мех, чтобы я не замерз дорогой, и мы отправились обратно в Берлин. Отец к этому времени тоже как-то пробрался в Хенгларн, и вот маленькая семейка пустилась в путь – на перекладных, тайно. Дорога заняла семь дней. Под самым Берлином, у Белого Озера, мы должны были проскользнуть мимо русских, потому что беженцам без специальных бумаг въезжать в Берлин было запрещено. Хаос был ужасающим.

Я рос очень послушным ребенком. Я буквально впитывал в себя все переживания и рассказы взрослых. Что за тяжелые судьбы! – Несмотря на это атмосфера вокруг ребенка всегда наполнена какой-то надеждой, даже надежностью. У нас дома долго не было телевизора. А «радиоточка» время от времени включалась, потом снова отключалась. – Зато это было время, когда гуляя по развалинам можно было услышать множество живых рассказов. – Люди много говорили - о других, о себе, шептались. Причем тогда просто *рассказывали* о своих переживаниях, реже оценивали, еще реже кого-то осуждали. Часто можно было услышать: «Да, такая-вот жизнь!».

Когда мне было 16, дядя Отто подарил книжицу в черной матерчатой обложке, на которой был вытеснен золотом большой лук и стрела; книжка называлась «Дзен в искусстве стрельбы из лука» (1). Я разом проглотил эту книжицу. – Это был рассказ о впечатлениях одного немецкого профессора, который был приглашен в Японию и смог там исполнить свое сокровенное желание – освоить дзен-искусство стрельбы из лука. Это был нелегкий путь, сопряженный со многими неудачами. Учитель его до тех пор имел лишь негативный опыт в занятиях с европейцами. Но в конце концов автор книжки по фамилии Херригель достиг подлинного мастерства в стрельбе из лука. – Я глубоко сопереживал его рассказ. Это переживание оказало на меня весьма своеобразное воздействие. Нежданно – и вроде без ясных причин – 16-летний мальчик понял, что человек живет на Земле много раз, то есть постиг факт перевоплощения как несомненную действительность. – Удивительно при этом, что в самой книжечке Херригеля об этом не сказано ни единого слова. – Лишь значительно позднее тогдашний юноша понял, что это было реальное воспоминание.

А когда мне было 18, в районе Шененберг Берлина появились два человека, которые несколько лет изучали в Японии «путь меча» - кендо, - а теперь предлагали заниматься этим искусством в гимнастическом зале. Их одежда, манеры и отношения во время занятий показали мне какими-то родными. Но только оба эти мужа преподавали кендо не как искусство, а как спорт. – У них не было ни малейшего подозрения о действительной духовной основе этого дела, а я-то как раз живо ощущал ее. Я был весьма озадачен. Уже после нескольких тренировок я покинул их и стал заниматься сам среди живой природы. – И вот однажды я стою под старым высоченным каштаном. Душа моя плачет, а вокруг меня все становится вдруг каким-то торжественным. Я стою прямо, держа меч в вытянутых руках, а вокруг меча – свечение. Колени мои подгибаются, и вот я уже вижу себя, - вижу, как я кладу меч перед собой на Землю. При этом я почувствовал, что во мне настроение силы и решимости – состояние клятвы, однако эта клятва есть отмена некоей прежней клятвы. Тем самым я в то же время сложил с себя свою прошлую земную жизнь. Я знал, пусть и не в полной ясности, что это было совершенно конкретное действие, которое совершилось духовно реально и одновременно несло в себе характер будущности. Но для этого будущего я должен буду сначала осуществить некую переплавку, значительный и длительный процесс внутреннего преобразования во всей лежащей передо мной жизни.

А когда мне было уже за двадцать, примерно в 1965-67, я постоянно нервировал окружающих темой «повторных земных жизней». Я с воодушевлением говорил об этом, а большинство людей резко это отвергали. – Теперь, сорок лет спустя, уже мало кто помнит, насколько в то время сама эта тема была табу в публичном пространстве. В принципе, если говорить всерьез, а не просто об "информации", то так же дело обстоит и теперь. Естественно-научная догма сильна сейчас, как никогда, а за нею следует столь же мощная конфессиональная церковная догма.

В возрасте 24х лет, в 1969 году я начал снимать свой первый художественный фильм «Муха-однодневка», в котором есть разговор двух молодых людей о повторных земных жизнях.

Тридцать первый день рождения я встретил в 1976 году в Японии. Я гулял по Гинзе, знаменитому кварталу Токио. Скоро я свернул с сияющей огнями торговой улицы и оказался в маленьком переулке с низенькими деревянными домишками. Вдруг я увидел лавку, где продавали самурайское оружие – старое и новое. – Я вошел внутрь. Из задней комнаты, раздвинув бамбуковую занавеску, вышел человек с какой-то очень прямой осанкой. Мы поздоровались. Я спросил на моем ломаном английском, могу ли немного осмотреться в его магазине. Он сделал приглашающий жест и ушел за занавеску. – Я разглядывал витрины довольно долго. Наконец, хозяин лавки вернулся. Я рассказал ему, что путешествую по миру, что у меня сегодня день рождения, завтра улетаю дальше на Гавайи и хотел бы купить себе что-нибудь небольшое. – Он немного подумал, а потом поставил передо мной два ящика и стал показывать разукрашенные металлические диски с продолговатой щелью в центре. При этом он кивнул в сторону мечей на стене, и я понял, что все это – защитные диски, которые располагают между клинком и рукоятью, - то есть это третья, малозаметная часть меча – его середина.

Тут почтенный муж дал мне понять, что в левом ящике лежат старые, даже весьма старинные диски, а в правом – новые. После этого он вновь удалился. Я стал осторожно доставать и разглядывать старинные, искусно украшенные диски. Один из них особенно пришелся мне по душе. Я отложил его в сторону. Теперь я стал рассматривать диски из другого ящика. Один из них заинтересовал меня, я аккуратно положил его на прилавок. Я должен был экономить свои немногочисленные доллары, так как большая часть кругосветного путешествия была еще впереди. К тому же я не имел никакого представления, сколько могут стоить такие диски. – Меж тем хозяин лавки вернулся, раздвинув бамбуковый занавес, и долго молча разглядывал выбранные мною диски. Я пояснил ему, что охотно купил бы старинную перекладину, но не знаю, могу ли себе это позволить. Он назвал цену. Старинный диск был втрое дороже нового. – Я задумался, причем надолго, он молча стоял и ждал. Наконец, я решился, радостно улыбнулся ему и указал на старинный диск. – Он едва заметно поклонился, в его спокойных глазах тоже была улыбка. Он заботливо упаковал мою покупку. Я заплатил. Затем он с такой же заботой завернул выбранный мною новый диск в папиросную бумагу и подарил его мне с любезными пожеланиями ко дню рождения. Я был поражен и усердно благодарил его. – В 21.00 того же дня я улетел из Токио. Примерно шесть часов спустя самолет приземлился на Гавайских островах. А еще через час я лежал на чистейшем тихоокеанском пляже. Тут было 9 часов утра, но того же календарного дня, то есть день моего рождения все продолжался. Незаметно для меня самого этот день рождения длился целых 36 часов. – Сейчас, когда я пишу эти строчки, я стал ровно вдвое старше.

Три с половиной года спустя, в конце мая 1980 года, то есть за пять месяцев до моего 35тилетия, мне попалось на глаза маленькое объявление. Вольфганг Вегенер, учитель медитации; еще он написал о себе, что он розенкрейцер. Встреча с ним привела меня к Рудольфу Штейнеру и Антропософии (у него я впоследствии научился и "динамическому рисованию знаков Зодиака" (см. мои брошюры на эту тему в изд-ве Ch. Moellmann)). Хотя к тому времени я уже больше 20 лет занимался духовными вопросами, только теперь, из рук Вольфганга Вегенера я получил свою первую книжку Р. Штейнера, это была книга «Как можно достичь познания высших миров?». Еще в автобусе, на обратном пути от Вегенера, я стал читать ее. – И вдруг та внутренняя тяжесть, теснота и беспокойство, которые снедали меня многие годы, разом как будто свалились с души. И я понял, что это именно то, что я искал все эти годы.

Благодаря Рудольфу Штейнеру и Вольфгангу Вегенеру я пережил своего рода «эффект домино». Благодаря четким духовно-научным объяснениям Рудольфа Штейнера темы повторных земных жизней и благодаря его изложению законов кармы и судьбы во мне как эхо с экзистенциальной силой вырос огромный вопрос: ты уже больше двадцати лет знаешь о повторных земных жизнях человека, но каковы практические выводы для твоей жизни извлек ты из этого знания? И я ответил себе: «Ты жил совершенно так же, как тот, кто ничего об этом не знает». – Эта истина сильно ушибла меня. – Я начал постепенно наводить порядок в моей вполне хаотичной жизни. Я стал отказываться от разных «кайфов», перестал пить алкоголь, а потом бросил курить.

Вместо этого я начал интенсивно изучать труды Рудольфа Штейнера (что делаю и до сих пор). Под практическим духовным руководством со стороны Вольфганга Вегенера я вступил на путь последовательных упражнений.

В течение первых 8 лет углубления в область Антропософии я приобрел уверенное ощущение Антропософии. Постепенно я стал понимать, о чем же собственно говорят «старые антропософы». Со временем я научился разбирать и то, из какого цикла Рудольфа Штейнера они в том или ином случае черпают свои «знания». И постепенно увидел, что далеко не всякий из них действительно понимает то, что тот рассказывает в своих рефератах или лекциях. – Все годы регулярных коллективных занятий в антропософских группах (= «ветвях») я переживал очень мучительно. – Обхождение многих, в том числе «именитых» антропософов с самим Рудольфом Штейнером и его «текстами» было для меня нередко чуждым, а иногда и попросту неподобающим, часто абстрактным и далеким от жизни, а в отдельных случаях даже враждебным жизни. И все же у меня было и остается впечатление, что многие из них так или иначе старались, как могли. Поэтому я не могу к этому добавить ничего, кроме того, что и сам очень стараюсь. – Уважение и любовь к Рудольфу Штейнеру, как и способы углубления в Антропософию у разных людей разные. – Поэтому нет ровно никакого смысла упрекать других в поверхностности, - это говорит мне мой не предвзятый взгляд, направленный и на самого себя, ведь и сам я во многих вещах весьма поверхностен и недостаточно добросовестен – хотя это могут быть очень и очень важные вещи. – Так жил я и страдал, напряженно прожил несколько фаз своей биографии. В юности, без особых на то оснований, я боролся «за» идею повторных земных жизней и охотно спорил об этом со всеми, также и с теми, кто меня об этом не спрашивал. Потом, после встречи с Вольфгангом Вегенером, который указал мне на Рудольфа Штейнера, я сразу и вполне замолк, я онемел; ведь в лице Вегенера я познакомился с христианским эзотерическим учителем, который был способен сам исследовать факты повторных земных жизней. И хотя он не избежал в своих исследованиях некоторых ошибок, его объективные достижения в этой области нельзя умалить. Среди антропософов говорить я не мог. Их язык был для меня недоступен. Так незаметно для себя я «соскользнул» в следующую фазу немоты.

Но когда я постепенно научился «договариваться» с антропософами, я утратил обычный язык, а с ним и возможность общаться с «обычными» людьми, одним из которых я тем не менее себя ощущал. Теперь я снова страдал – теперь уже от неспособности говорить с простыми «ближними». И тогда я заново стал искать объективные возможности для того, чтобы общаться «с любым человеком», а при подходящих обстоятельствах мочь говорить и о факте повторных земных жизней. Но как я за это ни брался, сначала у меня ничего особенного не получалось.

Тут мне удалось сделать один важный шаг, который кому-то может показаться и не таким значительным, а именно – ко мне пришло понимание того, что никто, в том числе и Рудольф Штейнер не может и не смог бы доказать другому человеку сам факт повторных земных жизней. То есть этот факт можно доказать только путем «самоочевидности», ну, так, как это бывает и в естественных науках. Как доказать факт слона? Или слон должен прийти ко мне или я к нему.

К основной позиции в «художественном исследовании биографии».

Я набросаю несколько образов, чтобы пояснить, какова основная «поза», исходная позиция «художественной работы над биографией»:

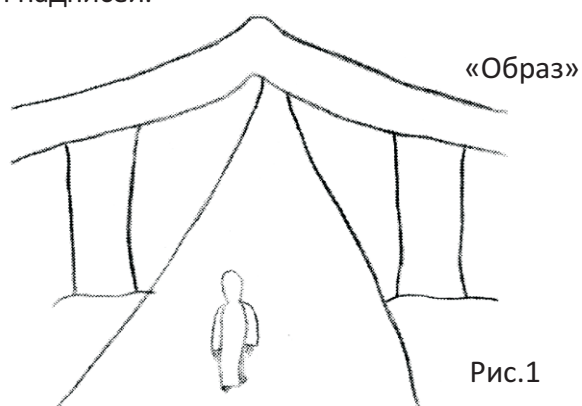
1 положение: Если существуют повторные земные жизни, то это должно как-то отражаться в наших переживаниях.

2 положение: Если не существует никаких повторных земных жизней, то это также должно как-то сказываться в наших переживаниях.

И приведу один образ из области научного исследования хаоса: сначала сделали обзорную фотографию морского берега с большой высоты. Затем отдельные фрагменты этого фото сильно увеличили. При этом увидели, что все эти фрагменты обнаруживают сильное подобие обзорному фото. – Как если бы в малом отражалось большое.

Как в капельке росы может зеркально (то есть - наоборот) отражаться целое озеро с лесом и полем и участком неба, а также и тот, кто эту каплю разглядывает, - не может ли и в жизни, в отдельном ее переживании тоже отражаться нечто большее, может быть даже что-то очень далекое?

Еще один образ: В Японии я попал на праздник хризантем в синтоистском храме. Храм этот стоял в глубине большого парка. Войдя в парк, я увидел издали какой-то портал. Он был сделан из огромных гладких бревен высотой не меньше 15-20 метров. Сверху на них покоилась крылоподобная крыша. Проходя сквозь эти открытые ворота, попадаешь в священную область, собственно на храмовую территорию, хотя сам храм еще долго-долго не виден. – В древности в Китае и в Японии такие порталы ставили также и просто среди природы, то есть там не было вообще какого-либо выстроенного храма. И все же, пройдя через них, ты оказывался на священной земле. В самые древние времена на сводах таких порталов не было даже ни рисунков, ни надписей.

Потом возникла потребность что-то на них написать. А еще позднее явилось правило – к высказыванию на одной стороне портала присоединять противоположное ему изречение на другой стороне. А еще позже прибавился и своего рода «вывод», который вырезали на верхнем перекрытии. Сегодня мы абстрактным образом сказали бы: тезис – антитезис – синтез.

Когда мне было 20 лет, я был погружен в чтение Лао-Цзы и Конфуция. Лао-Цзы был для меня долгое время как бы совсем закрыт. Но поскольку я очень хотел понять его, то примерно в течение пяти лет все заново и заново перечитывал его «Дао-Де Дзин». Постепенно он стал для меня понятнее, как бы прозрачнее. – А однажды мне предстали главные изречения этих гигантов Духа вместе. Конфуций говорит: «Действуй!». Лао-Цзы говорит: «Не действуй!». Оба ценны. Тогда столкновение с этим противоречием повергло меня в экзистенциальное потрясение. Позже, примерно когда мне было 40, я запечатлел постигшее меня переживание в одном стихотворении, а к нему как-то прибавилось следующее высказывание:

«Конфуций говорит: Действуй!
Лао-Цзы говорит: Не действуй!
Так шествую я моим путем».

Рис.2

Этот образ позже я перенес в метод «художественной работы над биографией». Он и является основной исходной позицией в точном, научно добросовестном исследовании биографии:

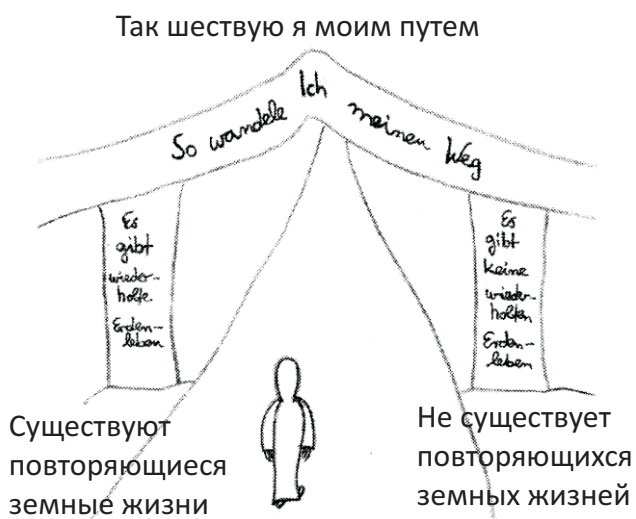

Рис.3

Предпосылки.

Может возникнуть ошибочное представление, что работать над биографией легко. Я сам в течение многих лет научился все больше и больше ценить само понятие «работа над биографией». Эта деятельность является настоящей работой, настоящим трудом. Поэтому я стараюсь не употреблять стилистически разнообразящих синонимов, которые бы только замутнили прямой смысл: это работа, причем один из самых чудесных видов работы, которые мне довелось делать в жизни.

Итак, работу над биографией можно для начала разделить на следующие области:

- 1) Предпосылки для «художественной работы над биографией» вообще.
- 2) Работа над собственно биографией.
- 3) Работа над отдельной биографией совместно с другими людьми.
- 4) Работа над биографиями в группах.
- 5) Исследование судьбы и кармы.
- 6) Получение профессионального образования по специальности «художественная работа над биографией».
- 7) Формирование нового сообщества как необходимый для современности духовный импульс к будущему.

В исследовательской биографической работе принято отказываться от обоих утверждений. Ведь оба являются возможными исходными точками, оба являются просто мнениями, которые имеют своих сторонников. Мнение важно для одного, для других оно, в конечном итоге, более или менее безынтересно. – Интересен же сам вопрос об истине. А вопрос об истине никоим образом не является вопросом мнений. Тем самым и вопрос о повторяющихся земных жизнях отнюдь не является вопросом для мнения какого-либо человека, но – при действительно глубокой и серьезной постановке – это тема для исследования: шествует ли человек, как человеческая Индивидуальность, из одной земной жизни в другую земную жизнь?

И как современному просвещенному человеку можно научно точным образом узнать истину относительно этого вопроса самому? – Если же истина будет гласить, что повторные земные жизни есть, то это должно как-то выражаться в биографии каждого человека. Если никаких повторных жизней нет, то и это должно как-то отражаться в биографии и сможет быть найдено при ее исследовании.